

ВЫСШАЯ ШКОЛА И МОЛОДЕЖЬ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

В. С. Рахманин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 сентября 2009 г.

Аннотация: на материалах государственной статистики и социологических опросов анализируются эволюция высшей школы, качество и функции высшего образования, его место в ценностных ориентациях и роль в социальной мобильности молодежи в трансформационных процессах России первого десятилетия XXI в., а также государственная политика в сфере высшего образования.

Ключевые слова: высшая школа, институциональный кризис, высшее образование, функции высшей школы, ценности высшего образования, социомобильный потенциал высшего образования, факторы социальной мобильности молодежи, коммерциализация, маркетинговый подход к высшему образованию, прогнозирование потребности в высшем образовании, государственная политика.

Abstract: the evolution of the high school, the quality and the functions of the high education, its place in the world outlook and the role in the social mobility of the young people in the transformational processes in Russia in the first decade of the XXI century are analysed on the materials of the government statistic and sociological interrogation. The state policy in the sphere of the high education is also considered.

Key words: high school, high education, functions of the high school, values of the high education, factors of the social mobility of the young people, policy, social possibility of the high education.

Высшая школа и молодежь функционально взаимосвязаны. Их взаимодействие — один из важнейших, ничем не заменимых факторов экономического, социального, политического и духовного развития общества и государства, нации и личности. Его значение объективно не только возрастает, но приобретает особый смысл в трансформационных процессах современного мира. Постиндустриальная цивилизация, в которую так или иначе втягиваются все страны, в том числе и Россия, превращает науку и знания не просто в решающую производительную силу, но в определяющий фактор конкурентоспособности стран, социального и экологического благополучия. В докладе Национального разведывательного совета США «Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир» подчеркивается: «По мере того как стираются границы в мировом бизнесе и на рынке труда, образование становится главным определяющим фактором функционирования и потенциалом экономики го-

сударств. Полноценное начальное образование необходимо, но качество и доступность среднего и высшего образования еще важнее для определения того, насколько успешно общество движется вверх по лестнице производства с высоким уровнем добавленной стоимости». Американские прогнозисты делают акцент на решающей роли высшего образования в экономике, в экономической конкуренции США в глобальных процессах производства и рынка. При этом они высказывают предположение, что «США могут оказаться единственным государством, способным подстроить свое высшее образование и систему научных исследований под растущий мировой спрос и позиционировать себя мировым центром образования для растущего числа студентов, которые выйдут на рынки образования в 2025 году» [1, с. 5]. Отнюдь не впадая в мистику Болонского процесса, США стремятся повысить привлекательность и престиж своих университетов и вместе с тем «импортируют» высококвалифицированных специалистов из других стран, в немалой мере из России.

Социальный эффект взаимодействия молодежи и высшей школы зависит от многих факторов: и от потребности общества в профессиональном высшем образовании, и от отклика молодежи на нее, и ориентаций на ценности тех или иных направлений образования, и от качества научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава, и от финансово-экономических обстоятельств государства и семей, и от состояния рынка труда и образовательных услуг, и от многого другого вплоть до модных поветрий в молодежной среде и за ее пределами. Однако главными являются четыре фактора: 1) прежде всего политика государства; 2) модель и качество деятельности высшей школы; 3) характер ценностных ориентаций молодежи на образование; 4) реальная востребованность общества, его экономических, политических, социальных, духовных структур в высшем образовании. Вместе с тем в России взаимодействие молодежи и высшей школы определяется не только внутренними обстоятельствами (затянувшаяся кризисная трансформация), но и внешними: более высокая престижность высшего образования, условия и оплата интеллектуального (как, впрочем, и всякого) труда на Западе.

Если неаналитически взять статистические показатели, то тенденции в области высшего образования в нашей стране во многом (но не во всем) совпадают с общемировыми. Численность студентов значительно выросла. Высшая школа открыла так широко свои двери для молодежи, как никогда в прошлом.

В СССР (в 15 республиках) в 1981/82 учебном году обучалось 5284,5 тыс. студентов, в РСФСР — 3067,2 тыс. [2, с. 51]. В России в 2007/08 г. — 7461 тыс. [3, с. 142]. Студенческие контингенты в современной России выросли по сравнению с их численностью в СССР на 41,2 %, а по отношению к численности в РСФСР более чем в 2,4 раза. Казалось бы, для молодежи нет проблем. Высшая школа способна удовлетворить все ее образовательные интересы и склонности, обеспечивая потребности экономической, социальной и духовной сферы в самых разнообразных квалифицированных специалистах. К тому же открылись возможности обучения в зарубежных университетах.

Однако статистическая картинка обманчива и скрывает нарастающий кризис высшей школы. С высшим образованием молодежи далеко не все

благополучно; возникают все новые и новые проблемы, да и старые обостряются. К исходу первого десятилетия XXI в. отчетливо выявились, помимо прочих, две тенденции во взаимодействии высшей школы с обществом, государством и молодежью. С одной стороны, ее сеть широко развевалась, превращая высшее образование почти во всеобщее, открывая новые специальности и стремясь освоить европейский опыт (по Болонскому проекту). С другой стороны, в обществе, в структурах государственной власти и управления, а также в молодежной среде нарастают острое недовольство качеством образования, концепцией и практикой реформирования высшего образования и требование радикальных перемен. Министерство образования и науки упрекает вузы в консерватизме, в игнорировании рыночных потребностей, в корпоративных интересах, а самое главное — в низком качестве образования. Несмотря на значительное увеличение государственного финансирования, по словам министра А. Фурсенко, качественных перемен в высшей школе не наблюдается. И ее нынешняя модель не в состоянии это сделать. «К сожалению, этот важный институт прогнулся под обстоятельства и принял причудливую форму. Сегодня высшее образование — институт социальной консервации» [7, с. 88]. В свою очередь научно-педагогическая общественность упрекает Министерство, да и другие властные структуры в недооценке высшего образования, его роли в социальном развитии молодежи и общества, в парадоксах образовательной и молодежной политики государства. Бизнес считает, что высшая школа готовит не тех специалистов, какие нужны ему, не так и не того качества. Молодежь все еще выбирает те направления высшего образования, по которым уже давно наблюдается перепроизводство специалистов и тем самым непродуктивно использует свои способности, новые возможности, да и финансовые затраты государства и семей. Сталкиваются не только различные точки зрения (и это нормально), но противоположные подходы к функциям, смыслу и содержанию высшего образования.

Между тем, пока сталкиваются различные парадигмы конструирования высшего образования, высшая школа, вузы преодолели разрушительную стихию 90-х гг., выжили, испытывая реформаторские эксперименты, в России высшее образование практически стало почти всеобщим. Во всяком случае для тех, кто так или иначе

(блестяще или кое-как) окончил среднюю школу. Однако этот факт не стал предметом повышенной гордости ни в структурах управления образованием, ни в органах государственной власти.

Возникает в связи с этим несколько вопросов: что произошло с высшей школой, какое образование она дает молодежи и какое образование в перспективе нужно?

Обратимся к статистике. В начале так называемых демократических реформ, в 1991—1993 гг. численность студентов уменьшилась на 7,5 %. В 1994/95 учебном году выявился прирост на 1,2 %. Но в 2001/02 учебном году студенческие контингенты выросли на 16,42 %.

Таблица 1

Количество вузов и численность студентов [3, с. 142]

	Учебный год				
	1992/93	1994/95	2005/06	2006/07	2007/08
Государственные и муниципальные вузы	535	553	655	660	658
Негосударственные		157	413	430	450
Всего	535	710	1068	1090	1108
В них студентов (тыс.):					
в государственных и муниципальных	2638	2534	5985,3	6133,1	6208
в негосударственных		110,5	1079,3	1176,8	1253
Всего	2638	2644,5	7064,6	7309,9	7461

В период 1994/95 — 2005/06 учебных годов количество государственных и муниципальных вузов возросло на 18,4 %, а негосударственных — более чем в 2,6 раза; студенческие контингенты увеличились соответственно менее чем в 2,4 раза и почти в десять раз [3]. В последующие годы тенденция ускоренного наращивания студенческих контингентов в негосударственных высших учебных заведениях по сравнению с государственными сохранилась. Трудности набора те и другие стали испытывать в 2008/09 г. в связи с сокращением демографической базы (падение рождаемости в 90-х гг.).

Молодежь воспользовалась расширяющимися возможностями и переполнила вузовские аудитории. Таких возможностей у нее никогда не было. Да и в мировой практике это почти уникальное явление. Вузовские аудитории вбирали в себя в первое десятилетие XXI в. почти всех, кто в соответствующий год оканчивал среднюю школу, а в отдельные годы «прихватывали» и тех, кто не смог в них попасть в прошлом. В 1990 г. прием в вузы составил 56 % по отношению к численности выпускников средних школ, в 1997 — 66,4, в 2001 — 99,2 %. В 2006 г. прием в вузы значительно превысил численность окончивших в том году среднюю (полную) общеобразовательную школу и составил 121,4 % по

отношению к выпуску. В 2007/08 уч. году прием в вузы на 13,8 % превысил численность молодых людей, получивших аттестат зрелости (рассчитано по [3, с. 137, 143] и [4, с. 72, 81]).

И это — при высоких конкурсах, особенно на экономические, юридические, психологические и медицинские специальности.

Профессиональное высшее образование явно доминирует в жизненных ориентациях молодежи.

Таблица 2

Структура учащейся молодежи по типам учебных заведений, в %

Учебные заведения	Учебный год		
	1989/90	2006/07	2007/08
Высшие	39,7	65,0	67,1
Средние специальные	32,4	22,4	21,6
Начального профессионального образования	27,9	2,6	11,3

Рассчитано по [3, с. 138, 139, 142] и [5, с. 165, 177, 199].

В последнем десятилетии прошлого века выпуск специалистов со средним профессиональным образованием превышал количество выпускников с высшим образованием. Перелом

наступил в 2000 г. В середине первого десятилетия XXI в. пропорции резко изменились: в 2006 г. почти 1 к 2 в пользу высшего профессионального образования.

Статистика отражает сложные, противоречивые поиски нынешней молодежи. На высшее образование молодые люди и их родители возлагают особые надежды. Довольно часто столь масштабный прорыв к высшему образованию объясняют иррациональной модой, установками символического престижа, отсрочкой призыва в армию и даже подготовкой для миграции в экономически развитые и благополучные страны. И того, и другого, и третьего отрицать нельзя. Все это есть в молодежных ориентациях. Но главное все же не это. Для молодежи высшее образование — важнейший фактор социальной мобильности, жизненной самоопределенности. И не только в труде, но и во всей системе социальных отношений. Так или иначе, прямо или косвенно, реально или превратно в ориентациях молодых людей, да и их родителей отражается исторически возрастающая общечеловеческая ценность высшего образования.

Однако в лавинообразном нарастании студенческих контингентов в первом десятилетии XXI в., не подкрепленном расширением и совершенствованием материальной и научно-лабораторной базы, выявлялись не только социально-позитивное стремление молодежи к ценностям образования, знаний, науки и надежды на их основе повысить свой статус, профессиональный и гражданский потенциал. С особой настойчивостью усиливалась и другая тенденция — коммерциализация и высшего образования, и всей системы высшей школы.

В 90-е гг. в результате радикал-либеральных реформ не только рушилась экономика, но и высшая школа попала в крайне трудные финансовые условия, осложненные к тому же нигилистическими настроениями части вузовской общественности и управленческих структур по отношению к прошлой системе высшего образования. Последнюю тоже необходимо было реформировать. Но не на принципах радикального нигилизма. Вузы были поставлены не столько перед задачами рациональных преобразований на основе научного и демократического осмысления отечественного и мирового опыта, сколько перед мучительной проблемой выживания. Бюджетные финансовые ресурсы таяли под ударами гиперинфляции. Терялись источники пополне-

ния финансов за счет прямых договоров с предприятиями («хоздоговорные», как их называли в 80-х гг.).

Чтобы как-то поправить финансовые обстоятельства, вузам разрешили осуществлять прием части студентов на коммерческой договорной («платной») основе. Первоначально такой коммерческий прием разрешался в пределах 10 % от численности студентов, принимаемых вузом на «бюджетной» основе. В самой оплате студентом возможности получить высшее образование нет ничего необычного. Эта практика довольно широко распространена в мире. В послевоенное время до 1953 г. в СССР получение высшего образования частично оплачивалось студентами. Я оплачивал свое обучение в Воронежском университете и вместе с тем получал стипендию (годовая сумма ее значительно превышала плату за обучение за год). Кстати, платность получения высшего образования, будучи распространенной в мире, не является всеобщей. Во Франции, в скандинавских странах студенты не платят за свое обучение в университетах, в Германии 90 % студентов учатся за счет бюджета [6]. Но у нас коммерциализация высшего образования и высшей школы приобрела, особенно с начала 2000 г., лавинообразный, практически нерегулируемый государством характер. Это проявилось и в стремительном создании негосударственных вузов (по 15—20 ежегодно), и в стихийном расширении контингентов студентов, обучающихся на коммерческой основе. По расчетам О. Мамедова, в 2007/08 учебном году только 40 % студентов обучались за счет государственного финансирования [6]. Для большинства молодежи высшее образование стало платным. При этом рост платы за обучение заметно обгонял рост денежных доходов основной массы населения. Далеко не все родители оказались состоятельными, чтобы оплатить обучение детей в тех высших учебных заведениях, которые способны дать качественное высшее образование. Многим студентам приходится подрабатывать, что существенно затрудняет освоение необходимых по избранной специальности знаний, подрывает здоровье, тормозит социокультурное развитие.

Чрезмерная коммерциализация высшего образования деформировала функции высшей школы. Институциональными функциями еще в недавнем прошлом были:

— обеспечение права на образование;

— подготовка специалистов для всех сфер жизнедеятельности общества и государства: от экономики до искусства;

— обеспечение развития институционального потенциала мобильности человека, этноса, общества, государства.

В этом — фундаментальная миссия высшей школы. И ничто не может ее заменить. Коммерциализация и маркетинговый подход к высшему образованию деформировали высшую школу, втянув ее в глубокий социальный кризис. Нельзя сказать, что институциональные классические функции исчезли; они сохранились, но оказались оттесненными на второй и третий планы. Между прочим, это отразилось в терминологическом словаре тех, кто управляет высшей школой. Теперь понятийный семантический акцент делается на термине «образовательные услуги». Высшая школа, каждый вуз предоставляет соответствующие образовательные услуги. Желательно качественные. Это — маркетинговый подход, ориентирующий высшую школу, все ее структуры на удовлетворение потребностей рынка. Маркетинговый подход к высшему образованию, как и учет потребностей рынка в деятельности высшей школы необходимы. Но у него есть свой предел, его нельзя абсолютизировать. Подготовка квалифицированных специалистов — это не просто оказание образовательных услуг индивиду для рыночных ситуативных потребностей. Это — сложный процесс формирования и развития специфического социального слоя, призванного играть особую и возрастающую инновационную роль в жизнедеятельности общества и государства. В России — ни в царской, ни в советской — на высшее образование никогда не смотрели как на рыночную операцию купли-продажи знаний, а на высшее учебное заведение — как на коммерческое высокодоходное предприятие.

Естественно, что высшее образование требует капиталовложений. И не только государственных, но и общественных, семейных, личных. Стоимость образования растет во всем мире. Но одно дело инвестиции в образование, другое — превращение его в доходную коммерцию под видом предоставления образовательных услуг. В 90-х гг. использование коммерческих источников пополнения образовательного бюджета было вынужденной мерой, генерируемой разрушительным характером либертаристских реформ. В начале нового века оно приоб-

рело некую самооценку: коммерциализация, мягко говоря, ради самой коммерциализации. В государственных вузах это «мотивировалось» скудостью бюджетного финансирования. В негосударственных имело совершенно иной смысл и преследовало сугубо корпоративные цели.

Коммерциализация высшей школы, с одной стороны, расширила возможности молодежи получить высшее образование. Особенно для тех молодых людей, которые не проявляли особого усердия в средней школе, не обладали достаточными знаниями, чтобы выдержать вузовские конкурсы. Да и особых склонностей к тем или иным специальностям не имели. Вместе с тем государство облегчило для себя бремя расходов на образовательные инвестиции в человеческий капитал, не обременяя себя и бизнес-сообщество.

Однако, с другой стороны, стихия коммерциализации высшего образования, сведение его к одной из разновидностей социальных услуг привели к дисфункциональному расстройству высшей школы и резкому нарастанию недовольства в обществе, в молодежной среде, научно-педагогической общественности. Качество высшего образования упало не только по сравнению с советским временем, но даже с бедственными 90-ми годами. И это при том, что высшая школа более десяти лет находится в состоянии реформирования. Значительная часть студентов высказывает неудовлетворенность качеством получаемого образования. Уровень и структура (чем недовольны) недовольства различны. В одних вузах она охватывает до 30 % студенчества, в других 10—15 %. В Воронежском университете в последние годы 12—13 % студентов высказывают свою неудовлетворенность; к ним добавляется 3—3,5 % безразличных к тому, какое образование они получают [8, с. 104—105]. Но эти показатели отражают мнение студентов, высказываемое в социологических опросах. Реально недовольство выше. По крайней мере, для 25—30 % молодых людей, особенно юношей, ценность представляет не само высшее образование, а диплом о его получении. Но документ о высшем образовании — это далеко еще не качество фактически обретенного образования. Уместно в связи с этим (и даже очень актуально) напомнить суждения выдающегося социолога XX в. П. Сорокина, высказанные много десятилетий тому назад, когда он работал в университетах США. К 22—23-м годам, писал он, молодой человек получает «сви-

детельство об окончании высшего учебного заведения, свидетельство фиктивное, так как многие «кандидаты» в действительности не обладают той суммой знаний и той *степенью логического мышления* (курсив мой. — В.Р.), которая удостоверяется этим свидетельством или дипломом» [9, с. 248].

Недовольство качеством высшего образования высказывают и представители бизнеса, управленческих структур, учреждений социальной сферы. Может быть, оно не всегда обоснованно и корректно, особенно тогда, когда ссылаются на требования рынка. Между прочим, в США диплом о высшем образовании сам по себе не дает права работать по соответствующей специальности. Необходимо сдать лицензионные экзамены и получить лицензию. Применение такого метода выявления профессиональных знаний и способностей для многих выпускников наших вузов может обернуться большим конфузом. Как это случилось при проведении квалификационных экзаменов для замещения должности судьи в Воронежской области. В 2008 г. Квалификационной коллегией судей к таким экзаменам были допущены 133 молодых человека, имеющих высшее юридическое образование. Проверку прошли чуть больше половины [10].

Российское высшее образование в прошлом — и в царской России, и в советской — отличалось высоким профессиональным качеством, научным уровнем и, что не менее важно, гражданской ориентацией, социальной ответственностью и интеллигентностью его носителей. Сегодня оно теряет эти качества и деградирует как в профессиональном отношении, так и в социокультурном. Вина в этом, если о ней говорить, не молодежи, а организаторов высшей школы и властных политических структур. Обычно трудности высшей школы объясняют острым финансовым дефицитом. Сбрасывать со счетов этот фактор нельзя. Он очевиден. В 90-х гг. его и пытались нейтрализовать частич-

ной коммерциализацией образования. Но по мере того, как коммерциализация расширялась, приобретая все новые и новые формы, качество высшего образования падало. Этот процесс не остановили так называемые «управления качеством образования», которые создавались в вузах.

Главная причина снижения качества высшего образования, девальвации его ценностей в массовом сознании молодежи, а также недовольства нынешним состоянием высшей школы — в коммерциализации этой исключительно важной социальной сферы. По сути дела создалась и легитимизировалась рыночная модель высшего образования. Дело не в том, что большая часть вузовской молодежи (около двух третей) платит за свое обучение. Беда в том, что высшее образование стало для многих вузов и финансистов коммерческим высокодоходным предприятием. И странно слышать от соответствующего министерства недовольство состоянием высшей школы и качеством высшего образования. Как бы это ни было резко сказано, но именно оно и возглавляет этот процесс. Между прочим, в прошлом году из списка государственных и муниципальных вузов исчезло 2 института, а в составе негосударственных, т.е. сугубо коммерческих появилось еще 18 [3, с. 142].

Высшее образование из важнейшего фактора гражданской, профессиональной, социокультурной социализации поколения молодежи, рожденной в 1980—1990 гг., все более и более превращается в предмет купли-продажи. Привлечение внебюджетных средств (вынужденная в свое время мера для «выживания») охватило государственные и муниципальные высшие учебные заведения и генерировало лавинообразное создание негосударственных. Часто без достаточного научно-педагогического, материально-лабораторного и учебно-методического обеспечения. Значительно увеличился объем педагогической работы в расчете на одного пре-

Т а б л и ц а 3

Численность студентов в расчете на одного преподавателя

	Учебный год			
	1993/94	2001/02	2005/06	2007/08
В целом по высшей школе	10,7	15,4	18,2	17,8
В том числе:				
в государственных и муниципальных вузах	10,6	16,1	18,2	18,2
в негосударственных вузах	18,4	11,2	16,5	16

Рассчитано по [3, с. 143].

подавателя при общем сокращении аудиторных занятий студентов (не более 27 часов в неделю). «Секрет» этого парадокса в том, что теперь ассистенту и профессору приходится вести учебный процесс (в условиях динамичных смен образовательных программ) с большим количеством студентов.

Такое соотношение отнюдь не способствует качественным сдвигам в научно-педагогической работе профессорско-преподавательского состава со студенчеством. Тем более, что нынешнее студенчество по своим социокультурным и психологическим характеристикам, по ориентациям на ценности высшего образования, мотивам и организации познавательной деятельности существенно отличается от прошлых поколений. Это соотношение не соответствует и западным образцам, которые дают больше возможностей (во всяком случае, организационных) индивидуальному подходу, использованию малых групп в работе со студенчеством.

В погоне за коммерцией (она трактуется как самофинансирование при дефиците бюджетного обеспечения и подготовки специалистов) наша высшая школа теряет и качество образования, и качество развития молодежи. Тем самым подрываются когнитивный потенциал и социально-кадровые ресурсы инновационного развития страны, а также интеллектуальная энергия молодежи. Исход первого десятилетия XXI в. — это время институционального кризиса высшей школы, стихийно сложившаяся модель которой не может обеспечить молодежи то качество образования, которое остро потребуется при переходе к инновационному типу развития России. Эта модель тупиковая и для государства, и для молодежи. Рыночная модель не смогла, да и не могла отрегулировать ориентации молодежи на многообразные специальности в соответствии с потребностями промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы, науки. Стихия рынка увлекла немалую часть молодежи на те направления высшего образования, по которым уже в конце 90-х гг. наблюдалась избыточность специалистов и по сути дела отклонила от дефицитных направлений. Потребовались особые меры государства (прежде всего финансовые), чтобы в какой-то степени переориентировать молодежь на новые специальности, необходимые для наукоемких отраслей экономики.

«Выявилась принципиальная несостоятельность утвердившейся в нашей стране концепции

коммерческого образования», — констатирует Н. Д. Елецкий, главный научный сотрудник южного научного центра РАН, заведующий кафедрой экономической теории Южно-Российского государственного университета [11, с. 71].

Высшая школа как социальный институт и высшее образование как специфический фактор социальных изменений и жизненная ценность для молодежи нуждаются в глубокой перестройке, реформировании. Вряд ли можно признать бесспорным, что вектор этого сложного процесса совпадает с процедурами перехода к так называемому Болонскому проекту. Поиски идут и по другим направлениям. Более дальновидны проекты создания Федеральных университетов, научно-исследовательских университетов, сращения университетов со структурами РАН, привлечения бизнеса к финансированию подготовки специалистов по новым направлениям, прямой заказ бизнес-сообщества и структур социальной сферы и т. п.

Несмотря на все деформации, которые претерпело высшее образование, в нем сохранились и действуют плодотворные ценности и структуры, стремящиеся сопротивляться негативным тенденциям и выполнять свою гуманистическую функцию. Это было и остается для молодежи притягательной силой и социальной надеждой. Показательно, что растет численность молодых людей из других стран, желающих получить высшее образование в России.

Таблица 4

Численность студентов из зарубежных стран в государственных и муниципальных вузах России [3, с. 144]

	Учебный год			
	1995/96	2000/01	2006/07	2007/08
Всего	67 025	52 671	87 840	95 781
Из них из стран СНГ	39 778	34 510	45 564	48 239

Высшее образование — это не только социокультурная ценность, но и ничем не заменяемый ресурс социальной мобильности личности, молодежи, социума в современном глобализирующемся и остро конкурентном мире. Один из видных деятелей высшей школы Ю. Н. Афанасьев обоснованно утверждает: «К национальному образованию можно относиться по-разному: можно видеть в нем инструмент развития на-

ции, можно — сферу услуг и даже бизнес. Какой бы ни была модель образования, все эти аспекты присущи ей в той или иной степени — неважно, хотели этого создатели модели или нет. Однако качество социума зависит именно от того, какой из них, из этих возможных аспектов, — ведущий» [12]. И последствия выбранной модели скажутся не только на качестве элиты, на чем акцентирует внимание Ю. Н. Афанасьев, а на состоянии социальной способности всего общества к энергичному, инновационному, как теперь говорят, развитию, к материальному и духовному здоровью и благополучию. Те или иные типы и варианты новых человеческих качеств прежде всего закладываются в нынешней молодежи. Вопрос только, пожалуй, в том, понимает ли молодежь, по пути формирования каких социальных качеств ее увлекают культивируемые модели образования и реформы. Высшее образование в принципе является специфическим ресурсом социальной мобильности восходящего типа и потенциалом плодотворной горизонтальной мобильности в глобализирующемся мире. Обеспечить и развить то и другое — долг государства, общества и, естественно, прежде всего, высшей школы. Уметь «взять» и освоить эти ресурсы и потенциал — дело самой молодежи, результат ее интеллектуальной активности и творческого отношения к образовательному процессу. Сегодня по-особому стоит вопрос о содержании образования и том, что и как берет из него студент. И проблема не только в том, какая совокупность научных дисциплин образует когнитивную базу образовательного процесса, но и в том — и даже в большей мере в том, как формировать творческое, деятельное мышление и каков тип его личностной и социальной значимости. Российское образование истари отличалось от западного фундаментальностью научной подготовки. В этом было — и, к сожалению, «усыхает» — его преимущество. Склонность к фундаментальным научным дисциплинам и акцентирование их в образовательном процессе — это, в известной мере, педагогический менталитет отечественной высшей школы со времен основания Московского университета. Некоторая недооценка утилитарно-профессиональной стороны подготовки специалистов — ее слабость, за что, кстати, часто критиковали высшую школу в прошлом. Но за рубежом оценили фундаментальность нашего высшего образования. И все еще ценят ее

остатки. И тайна ее ценности заключается не только в том, что без фундаментальных знаний невозможен творческий прорыв даже в узкой профессионально-утилитарной сфере. Тем более, что постиндустриальная трансформация жизни ставит все чаще и чаще отнюдь не тривиальные проблемы и в теории, и в практике. Но главное в том, что фундаментальность образовательной подготовки обеспечивает более многообразный и динамичный ресурс социальной мобильности. Между прочим, на Западе давно практически выявилось, что от безработицы чаще и сильнее всего страдают специалисты с узким профилем профессиональной подготовки. Они оказываются меньше способны к смене профессиональной занятости, даже переобучению. Да и в миграционных процессах лиц интеллектуального труда преимущества оказываются на стороне тех, кто имеет гибкий и глубоко заложенный ресурс фундаментального образования. Естественно, необходимо органическое сочетание фундаментальной и утилитарно-профессиональной подготовки. Обеспечение его — не простая задача. Пока акцентуируется рыночно-профессиональный подход, а не ориентация высшего образования как фактора развития нации и социальной мобильности личности. Между прочим, государственные стандарты высшего образования нового поколения явно запаздывают в разработке, а стандарты старого поколения явно обветшали и не соответствуют перспективам перехода к инновационному типу экономического и социального развития и узки для полноценного формирования когнитивных, интеллектуальных, психологических и в целом социокультурных ресурсов социальной и профессиональной мобильности молодежи в изменяющемся постиндустриальном мире.

Социомобильный потенциал высшего образования зависит в основном от пяти факторов:

— характера образовательных программ, качества научно-образовательной деятельности и материально-лабораторной базы вузов и высшей школы в целом;

— сдвигов в приоритетах профессиональной и социальной востребованности в высшем образовании;

— интеллектуальных и волевых усилий личности студента;

— научной обоснованности ситуативной и долгосрочной образовательной политики государства;

— интеллектуально-нравственного состояния общества и культивируемых социальных ценностей.

Современная молодежь имеет некоторые технические преимущества перед предыдущими поколениями. Она обладает компьютерной грамотностью, так или иначе овладела информационными технологиями. Это значительно расширяет источники знаний и ускоряет познавательную деятельность. Во всяком случае, потенциально. Информационные ресурсы высшего образования и технические средства овладения ими интенсивно развиваются. Однако недостатки, а иногда и пороки довузовской социализации нынешнего поколения молодых людей и неадекватность научной и методической культуры образовательных процессов современным инновационным требованиям снижают эффективность тех «компьютерно-технологических» и иных преимуществ и возможностей, которые у нас есть. К сожалению, довольно часто, хотя и не повсеместно, практика учебного процесса стимулирует не столько установки, ориентации, мотивы на всестороннее формирование образовательных социомобильных ресурсов, сколько на получение экзаменационных оценок, обеспечивающих более или менее благополучный диплом о высшем образовании. Мягко говоря, немалая часть студентов при выполнении курсовых, дипломных работ не столько напрягают свои мозги, сколько «качают Интернет». И компьютерные технологии из инструмента интенсификации и эффективности познавательной деятельности превращаются в фактор ее имитации и ослабления.

Однако было бы упрощением реальности относить недостатки нынешнего высшего образования только на счет высшей школы. В самом нынешнем российском социуме есть и действуют факторы, обесценивающие высшее образование и деформирующие познавательные ориентации и активность молодежи.

Объективно ценность высшего образования возрастает во всем мире. Она повышается вследствие закономерностей перехода к постиндустриальному, информационному обществу. Более того, именно высшее образование и наука являются ведущими факторами постиндустриальной трансформации. Но не сами по себе, а через, как говорят социологи, человеческий капитал. Молодежь и является тем социально-демографическим слоем, в структуре которого формируется новый человеческий капитал. Лич-

ностная и социальная эффективность его формирования, конечно, зависит от усилий молодежи и высшей школы. Но есть один вопрос. Не очень новый. Как используется капитал? В России он не простой даже применительно к финансовому капиталу. В результате радикал-либертаристских реформ экономики и социальной сферы возникла парадоксальная ситуация. С одной стороны, требуются новые кадры. В стране давно разворачивается кадровый кризис. Это наблюдается и в управленческих кругах, и в бизнес-структурах, и в социальной сфере, образно говоря, и наверху, и внизу. Но на всех уровнях и во всех структурах, с другой стороны, наблюдается слабая востребованность нового человеческого капитала, сформированного на основе высшего образования. И трудность, еще раз замечу, не только в пороках последнего (иметь диплом о высшем образовании еще не означает быть высокообразованным человеком и квалифицированным специалистом). Российский бизнес инертен в использовании наукоемких технологий. Во всяком случае, слабо заинтересован в их внедрении. При подборе специалистов чаще всего ориентируется не на качество подготовки и образования кандидатов, а на другие привходящие обстоятельства. Поэтому в оценке массовым сознанием высшее образование как фактор жизненного успеха, карьеры, социальной благополучной мобильности значительно уступает иным, параинтеллектуальным факторам. Более значимыми в стихии нынешнего рыночного социума оказываются социальные связи (протекция, родственные отношения, коррумпированная протекция, ловкачество и т.п. свойства личности).

Таблица 5

Оценка массовым сознанием роли высшего образования и других факторов в жизненном успехе, в % к числу респондентов [13, с. 33]

Факторы	Считают важным фактором
1. Хорошие знакомства, связи	55
2. Родственники, занимающие важные посты	46
3. Склонность к махинациям	43
4. Высокая квалификация	14
5. Высокое образование	11
6. Трудолюбие	8
7. Любовь к работе	8

Высшее образование, как вскрывают социологические исследования, занимает 5-е ранговое место среди тех факторов, которые определяют жизненный успех, благополучную социальную мобильность. По данным некоторых исследований в ряде регионов оно опускается даже до 7-го места. И отнюдь не утешает, что отношение к труду оценивается еще ниже. Это существенно сказывается на уровне и мотивах познавательной активности студентов, их социальных ожиданиях и на способах, мере, векторах овладения образовательным капиталом как социомобильным ресурсом. Но это существенно скажется и на качестве человеческого капитала, который страна получит через несколько лет. Пока чаще можно услышать пессимистические прогнозы. Однако надежды не умирают. Парадокс в том, что несмотря на низкую оценку социомобильных возможностей высшего образования в рыночных обстоятельствах, молодые люди и их родители тянутся к нему. Даже при условиях, если плата за обучение (а платят более 60 % студентов) достигает 200 000 руб. Тайна парадокса в том, что высшее образование более долговременный и основательный фактор благополучной социальной мобильности. Знакомства и протекционистские связи — преходящий фактор. Они могут распасться и не обладают безусловной транзитивной способностью выручать во всех ситуациях. Авантюрный характер и махинаторское ловкачество могут в конце концов привести к жизненной катастрофе. А образование, перефразируя название повести Э. Хемингуэя, — это ресурс, который всегда с тобой, или, как говорили древние римляне, *omnia mecum porto*. Правда, и образование может выветриваться, ветшать и даже стареть. Но это в том случае, если индивид во время обучения не овладел главной динамической ценностью образования — методами его развития, обогащения его все новыми и новыми знаниями, способами творческого мышления. И не только профессионального, но и социального.

В дискуссиях последних лет сталкиваются два подхода к решению проблем высшей школы и образования. Даже две парадигмы социального мышления. Важнейший постулат, почти императив первой (она характерна для верхних управленческих структур и отчасти бизнес-сообщества) — сократить. Сократить численность ву-

зов примерно до 200, а студентов — до 1,5 млн, т.е. то и другое примерно в 5 раз [14]. Полагается при этом, что резко, почти на порядок улучшатся финансово-экономические условия вузов, высшее образование станет намного качественнее, превратившись из эгалитарного в элитарное (из жизненного ресурса для всех — в преимущества избранных).

Вторая парадигма ориентирует на *расширение* подготовки специалистов. Но при этом предлагает укротить коммерциализацию обучения (и даже освободить студентов от оплаты его), закрыть «псевдовузы» (т.е. негосударственные вузы, их филиалы), скорректировать профили и специфику государственных и их размещение, качество, улучшить условия труда профессорско-преподавательского состава и обучения студентов, модернизировать образовательные программы на основе не ситуативных требований рынка, а перспектив перехода к постиндустриальному обществу, расширить общедоступность высшего образования с перспективой превращения его во всеобщее [11, с. 69—70].

И та и другая парадигма (сократить-расширить) представляются крайностями. Вполне допустимыми и даже полезными в дискуссии. За ними стоят не только «точки зрения», но и сложные проблемы российского общества, разные перспективы развития молодежи и, не побоюсь обвинения в патетическом стиле, исторической миссии нынешнего поколения. Или высшая школа, преобразуясь (дело не в «сокращении-расширении»), даст научные ресурсы высшего образования (а не просто некую компетентность, а тем более — диплом), а молодежь творчески овладеет им. И тогда общество и молодежь (не только нынешняя, но и будущая) выйдут к новым горизонтам динамичного и социально комфортного бытия (как любит повторять президент Д. Медведев) и Россия войдет в пятерку процветающих стран. Или высшая школа истощит себя, и молодежь ограничится кое-каким мнимым высшим образованием ремесленного типа. И тогда Россия будет вновь скользить куда-то на периферию мирового сообщества, где молодежь будет чувствовать себя неуютно. Такова дилемма. 3—5 лет — время ее решения. Эффект ее решения зависит от энергии и мудрости государственной политики, высшей школы и молодежи. И молодежь должна быть требовательнее к высшему образованию. Это ее гражданское, человеческое право и нравственный долг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025 : меняющийся мир. Доклад национального разведывательного совета США. — М. : Европа, 2009.
2. Народное хозяйство СССР. 1922—1982 : юбилейный ежегодник // ЦСУ СССР. — М. : Финансы и статистика, 1982.
3. Россия в цифрах — 2008. Официальное издание : стат. сб. — М., 2008.
4. Россия в цифрах : краткий стат. сб. — М. : Госкомстат, 1997.
5. Образование и культура в РФ : стат. сб. — М., 1992.
6. Мамедов О. Ю. Три «квадриги» российской экономики. — М. : Академия, 2008. № 5.
7. Волков А. Высшее образование : повестка 2008—2016 / А. Волков, Д. Ливанов, А. Фурсенко // Эксперт. — 2007. — № 32.
8. Ищенко Е. Н. Комплексный анализ качества образования. Социологический мониторинг / Е. Н. Ищенко, А. И. Стеценко, Е. Е. Чупандина. — Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2008.
9. Сорокин П. А. Проблемы новой социальной педагогики / П. А. Сорокин // Общедоступный учебник по социологии. — М., 1994.
10. Ваулин Б. Пища для размышления / Б. Ваулин // Коммуна. — 2009. — 28 апр.
11. Елецкий Н. Больное образование в больном обществе / Н. Елецкий // Свободная мысль. — 2008. — № 7.
12. Афанасьев Ю. Знать, чтобы стать элитой / Ю. Афанасьев // Новая. — 2005. — 10 февр.
13. Красильникова М. Проблемы высшего образования в оценке населения / М. Красильникова // Вестник общественного мнения. — 2004. — № 1.
14. Фомин Д. Высшая школа : поиск растрченного смысла / Д. Фомин // Свободная мысль. — 2008. — № 3.

Воронежский государственный университет

*Рахманин В. С., доктор философских наук,
профессор кафедры социологии и политологии*

Voronezh State University

*Rakhmanin V. S., D.Sc. Philosophy, Professor
of the Sociology and Politology Department*